

СЕРГЕЙ СТАРИДИ

КОМАНДА

18+

Сергей Старики

Команда

«Автор»

2026

Стариди С.

Команда / С. Стариди — «Автор», 2026

Алиса Шевцова — успешная женщина, которой завидуют со стороны и которой нечем дышать изнутри. Карьера, деньги, статус, безупречный контроль над жизнью — всё это давно превратилось в клетку, где на нее смотрят как на удобную функцию: на работе, дома, в отношениях, в семье. Одна ночь становится точкой срыва. В папке со спамом Алиса находит странное письмо с предложением, похожим одновременно на ловушку и спасение. Закрытый центр обещает ей то, чего у нее не было много лет: тишину, отказ от решений и возможность исчезнуть хотя бы на две недели. Но за воротами центра ее ждет не отдых, а тщательно выстроенная система подавления личности. Здесь человека освобождают от выбора, стыда и привычной социальной роли слишком буквальным способом. И чем сильнее Алиса устает быть собой, тем опаснее становится соблазн отдать кому-то свою волю окончательно. «Команда» — жесткий, атмосферный психологический триллер о выгорании, подчинении, зависимости и цене внутренней капитуляции. Строго аудитория 18+.

© Стариди С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дедлайн	5
Глава 2. Контракт	11
Глава 3. Униформа	19
Глава 4. Горизонт	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Стариди

Команда

Глава 1. Дедлайн

Цифры на электронных часах в углу монитора сменились с 23:14 на 23:15. Смена одной минуты в масштабах вселенной — ничто, но здесь, на сорок пятом этаже башни «Федерация», она ощущалась как очередной удар молотка по крышке гроба.

Алиса моргнула. Веки царапнуло, словно под них насыпали битого стекла — синдром сухого глаза, профессиональная болезнь тех, кто продал душу за вид на ночную Москву. Она сидела в своем кабинете, похожем на стерильный аквариум: три стены из бронированного стекла, одна — матовая, отделяющая её от пустого опенспейса.

Перед ней на огромном мониторе Apple мерцала таблица Excel. Файл назывался безобидно: «Оптимизация ФОТ Q3». На деле это была цифровая гильотина. В столбце «С» значились фамилии, в столбце «D» — суммы выходных пособий, а в столбце «E» — статус. Алисе нужно было проставить «Уволить» напротив пятнадцати фамилий до восьми утра субботы.

Её пальцы зависли над клавиатурой. Маникюр цвета «бургунди» — безупречный, хищный, дорогой — казался чужеродным на фоне серой сетки таблицы.

— Иванова, старший аналитик. Ипотека, двое детей, разведена, в поисках мужа, — прошептала Алиса, глядя на строку 42.

Она знала это не из личного дела. Она просто знала. В её голове, как в переполненном жестком диске, хранились терабайты ненужной, токсичной информации о чужих жизнях. Она была HR-директором крупного холдинга, но сама себя называла «корпоративным патологоанатомом». Её работа заключалась в том, чтобы с улыбкой резать по живому, объясняя жертвам, что это «новые возможности для роста».

Алиса потянулась к чашке с кофе. На поверхности остывшего напитка уже образовалась противная маслянистая пленка. Она сделала глоток — вкус жженой резины и кислоты. Желудок отозвался спазмом, привычно сжавшись в тугой узел. Гастрит, бессонница, невроз — святая троица успешной карьеры.

Она посмотрела на свое отражение в темном панорамном окне. Оттуда на неё смотрела красивая, ухоженная женщина в шелковой блузке цвета слоновой кости. Идеальная укладка волосок к волоску. Тонкие черты лица, подчеркнутые жестким офисным светом. Но глаза у этой женщины были мертвыми. В них плескалась та же темная пустота, что и за окном, где внизу, в лабиринте огней, ползали крошечные машины-жуки.

Левая рука сама потянулась к правому запястью. Алиса с силой почесала кожу под ремешком часов Cartier. Это был нервный тик, появившийся полгода назад. Золотой браслет, подарок самой себе за закрытие годового KPI, теперь казался кандалами. Кожа под ним постоянно зудела, покрываясь красной сыпью, словно тело пыталось отторгнуть этот символ статуса.

— Не чешись, сука, — прошипела она себе под нос, с ненавистью глядя на красные полосы на запястье. — Ты не блохастая дворняга. Ты топ-менеджер.

Тишина кабинета давила на уши. Это была не спокойная тишина леса или библиотеки, а гудящая, напряженная тишина работающих серверов и кондиционеров. Воздух был сухим, мертвым, пропущенным через десятки фильтров. Алисе казалось, что она дышит переработанным пластиком.

Она снова перевела взгляд на таблицу. Курсор мигал в ячейке напротив фамилии «Иванова», требуя решения. Требуя крови.

— Delete, — сказала Алиса и нажала клавишу. Строка исчезла, окрасившись в серый цвет.

Никакого облегчения. Только тяжесть, навалившаяся на плечи бетонной плитой. Она чувствовала себя не вершителем судеб, а функцией. Приложением к креслу Herman Miller. Если завтра она исчезнет, система просто заменит её на другой биоробот с такими же амбициями и таким же дорогим маникюром.

Внезапно кондиционер над головой шумно выдохнул порцию ледяного воздуха. Алиса вздрогнула. Ей почудилось, что стены кабинета начали медленно сдвигаться. Стекло куб сжимался, выдавливая из неё остатки кислорода. Она расстегнула верхнюю пуговицу блузки, пытаясь вдохнуть полной грудью, но воздух застрял в гортани колючим комом.

Время было 23:20. До дедлайна оставалось восемь часов и сорок минут. И четырнадцать живых людей, которых нужно было превратить в статистику.

Тишину, в которой только что прозвучал приговор Ивановой, распорол резкий звук. Айфон, лежавший экраном вниз на лакированной поверхности стола, завибрировал. Звук был низким, сверлящим, похожим на работу бормашины. Следом ожил рабочий ноутбук — в правом углу экрана всплыло красное окно корпоративного мессенджера. И еще одно. И еще.

Это была не просто коммуникация. Это была скоординированная атака.

Алиса поморщилась, словно от зубной боли, и перевернула телефон. Экран вспыхнул, ослепляя в полумраке кабинета. Три уведомления. Три всадника её личного апокалипсиса.

Первое — от мамы. Голосовое сообщение на полторы минуты. Алиса знала, что там, даже не нажимая play. Она знала эту интонацию — тягучую, жалобную, с нотками скрытого обвинения. Палец сам потянулся к кнопке, повинаясь многолетнему рефлексу хорошей дочери.

— «Алиса, ты опять не берешь трубку...» — голос матери звучал с надрывом, пробиваясь сквозь динамик. — «У меня давление сто шестьдесят на сто, я же просила тебя заказать лекарства, те, немецкие. Ты забыла? Конечно, у тебя же карьера... Кстати, звонила тётя Люба. У её Машеньки уже второй, мальчик, четыре килограмма. А ты всё сидишь в своём аквариуме. Мне перед людьми стыдно, дочка. Вроде начальник, а счастья женского нет...»

Алиса нажала на паузу, обрывая поток пассивной агрессии на середине фразы про «женское счастье». Висок пронзила острая игла мигрени. Мама не спрашивала, как дела. Мама не спрашивала, жива ли она вообще. Мама требовала обслуживания: эмоционального, финансового, логистического. Алиса была для неё не дочерью, а функцией «гордость перед соседками» с опцией «доставка лекарств».

Следом пришло сообщение в Telegram. Кирилл. Её «партнер». Человек, с которым у неё была общая ипотека, общий дизайнерский ремонт и отдельные жизни.

«Скинь пароль от Госуслуг, там налог на машину пришел, а лучше сама оплати, пока пени не набежали», — гласило сообщение. Ни «привет», ни «когда будешь?». Сухо, по делу.

Следом прилетело второе: «И закажи клининг на завтра на утро. Ко мне пацаны придут в фифу рубиться, пусть уберут срач на кухне. А то перед людьми неудобно».

Алиса уставилась на слово «неудобно». Кириллу было неудобно перед друзьями за грязную чашку. Ему не было неудобно, что его женщина в полдвенадцатого ночи сидит в офисе и увольняет людей, чтобы оплатить тот самый клининг и его новую приставку. Он не видел в ней женщину. Он видел в ней удобный интерфейс умного дома. «Алиса, включи свет». «Алиса, оплати счет». «Алиса, раздвинь ноги».

Третий удар пришелся с фланга. Рабочий чат «Board of Directors» мигал красным значком «Important».

«ШЕВЦОВА!!!» — капслок генерального директора Романа Аркадьевича бил по глазам, как дальний свет на встрече. — «Где сводная по сокращениям? Акционеры из Дубая требуют цифры к завтраку. Если мы не покажем минус 15% ФОТ, они закроют филиал к чертовой

матери. Ты меня слышишь?! Мне плевать, что ночь. Мы — одна команда! Чтобы через час файл был у меня. Иначе вылетишь вместе с Федосеевой!»

Алиса почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Три источника, три вампира, присосавшиеся к её венам. Они не хотели её крови буквально, они хотели её энергии, её времени, её ресурса. Они рвали её на части, каждый тянул одеяло на себя, даже не замечая, что под одеялом уже никого нет. Только оболочка.

Телефон снова завибрировал — мама звонила повторно, решив, что голосового мало. Ноутбук издал мерзкий звук входящего вызова в Zoom — шеф хотел «пропустить» задачу лично. Кирилл прислал вопросительный знак: «?».

Звуки слились в одну невыносимую какофонию. Дзынь. Бз-з-з. Пилик.

Алисе показалось, что стены кабинета действительно поехали на неё. Воздух стал густым, как кисель. Ей нечем было дышать. Галстук-бант на шее превратился в удавку. Она схватила телефон — он был горячим, перегретым от её собственной жизни, — и ей дико, до дрожи в пальцах захотелось размахнуться и швырнуть этот кусок стекла и металла в панорамное окно, туда, в черную бездну ночного города.

— Хватит, — прошептала она одними губами. — Я пуста. Жрать больше нечего.

Но телефон продолжал звонить, требуя очередной порции её души.

Алиса попыталась набрать ответ. Всего два слова: «Уже делаю». Это был автоматический скрипт, вбитый в подкорку за семь лет карьеры. Но пальцы отказались повиноваться. Они зависли над клавиатурой, скрюченные, как лапки мертвого паука. Вместо букв на экране появилась бессмысленная строка: «ывапролд».

Она смотрела на эти буквы, и ей казалось, что это шифр, код её собственного безумия.

В ушах нарастал звон — тонкий, высокий, ультразвуковой писк, перекрывающий гул серверов. Комната качнулась. Стены аквариума действительно начали сдвигаться, сжимая пространство до размеров гроба. Алиса попыталась сделать вдох, но диафрагма окаменела. Воздух застрял где-то в гортани, не доходя до легких.

— Дыши... — прохрипела она. — Дыши, идиотка.

Она рванула воротник шелковой блузки. Пуговица — крошечный перламутровый диск, стоивший как хороший обед, — с сухим щелчком отлетела, ударилась о столешницу и покати-лась по полу. Звук показался оглушительным, как выстрел.

Шелк распахнулся, обнажая ключицы, покрытые липким холодным потом, но легче не стало. Невидимая удавка сжималась всё сильнее. Это душил не воротник. Это душила ответственность. Это душили сотни решений, которые она должна была принять за других: кого уволить, что купить, куда лететь, как улыбаться, когда хочется выть.

Алиса вскочила с кресла, опрокинув его. Herman Miller с глухим стуком упал на ковролин, беспомощно вращая колесиками. Она метнулась к панорамному окну, прижалась лбом к холодному, толстому стеклу.

Внизу, в сорока пяти этажах под её ногами, расстилалась Москва. Океан огней, бесконечный поток красных и белых фар, ползущих по венам города. Но Алиса видела не город. Она видела своё отражение в черном стекле.

На неё смотрел призрак. Женщина с безупречным макияжем, который теперь казался гримом клоуна. Глаза были расширены от ужаса, зрачки — черные дыры, поглотившие радужку. Рот приоткрыт в немом крике.

— Кто ты? — спросила она отражение. — Ты HR-директор? Ты дочь? Ты жена?

Отражение молчало. Оно было пустым. Внутри этой дорогой оболочки не осталось человека. Там был только перегоревший предохранитель.

— Я не хочу, — прошептала Алиса, сползая по стеклу вниз. Ноги стали ватными. — Я больше не хочу решать. Я не хочу быть сильной. Я не хочу быть эффективной.

Её взгляд, расфокусированный и мутный, скользнул вниз, сквозь слои ночной мглы, и выхватил крошечную деталь на парковке перед башней. Там, у мусорных баков элитного ресторана, возилась собака. Какая-то дворняга, грязная, мокрая под морозящим дождем. Она вытащила из бака кусок чего-то съедобного и жадно глотала, оглядываясь по сторонам.

Алису пронзила острая, жгучая зависть.

У этой собаки не было ипотеки. У неё не было дедлайнов. Ей не нужно было улыбаться акционерам. У неё были только голод, холод и свобода. Если она найдет еду — она поест. Если нет — умрет. Всё честно. Всё просто.

Алиса прижалась щекой к стеклу, чувствуя, как холод проникает в кожу. Она — вершина пищевой цепочки, женщина с золотой картой и платиновым статусом — сейчас, в эту секунду, готова была поменяться местами с этой блохастой тварью внизу. Лишь бы перестать слышать этот бесконечный гул в голове.

— Я бы всё отдала, — выдохнула она в пустоту кабинета. — Всё, чтобы просто... перестать быть собой.

Сердце колотилось в горле, как птица в клетке, но паническая атака достигла пика и начала отступать, оставляя после себя выжженную пустыню безразличия. Она всё еще стояла на коленях перед окном, когда её взгляд упал на светящийся монитор ноутбука. Там, среди хаоса рабочих вкладок, мигал ярлык почты.

Алиса, пошатываясь, поднялась с пола. Её колени дрожали, а колготки на левой ноге пошли стрелкой — микроскопическая катастрофа, которая в обычной жизни вызвала бы у неё приступ раздражения, но сейчас она смотрела на рваную нить с полным безразличием. Она чувствовала себя манекеном, который уронили и забыли поднять.

Гул в ушах стих, сменившись ватной тишиной контузии. Она вернулась к столу, перешагнув через опрокинутое кресло. На экране ноутбука всё так же мигал курсор, требуя жертв. Почтовый ящик распух от непрочитанных: «Срочно», «Важно», «ASAP», «Re: Re: Re:».

— Удалить, — пробормотала она, положив палец на тачпад. — Всё удалить.

Ей захотелось очистить этот цифровой авгиев хлев. Стереть следы своей деятельности. Она начала механически выделять письма, не читая. Взгляд скользнул по левой панели интерфейса. Папка «Спам» светилась жирным шрифтом: (1).

Всего одно новое письмо.

Обычно там скапливались сотни предложений увеличить член, купить акции несуществующих компаний или получить наследство нигерийского принца. Но сегодня фильтры сработали идеально, пропустив в этот отстойник только одно сообщение.

Рука дрогнула. Курсор завис над папкой «Спам». Почему-то именно эта единица притягивала взгляд. Это было похоже на поиск знака в мусорной куче.

Щелчок.

Папка открылась. Среди пустоты висела одна строка. Без имени отправителя. Без кричащего заголовка.

Тема: «Вы устали решать?»

Алиса замерла. Вопрос был задан так просто и так пугающе точно, словно отправитель стоял у неё за спиной и читал её мысли пять минут назад. Это не было похоже на рекламу тренинга личностного роста или спа-салона.

Она кликнула по заголовку.

Экран моргнул. Привычный белый интерфейс Outlook исчез, сменившись глубокой, бархатной чернотой. Письмо было сверстано странно — ни логотипов, ни стоковых фотографий счастливых женщин в позе лотоса, ни ссылок на соцсети. Только текст. Строгий, белый шрифт пишущей машинки по центру черного поля.

"Вы устали быть сильной?"

Вы устали держать лицо, когда хочется выть? Вы устали нести ответственность за тех, кто слабее вас?

Мир требует от вас решений каждую секунду. Мы предлагаем тишину.

Центр восстановления «Инстинкт».

Мы не лечим душу. Мы возвращаем природу. Отдайте нам свою волю. Отдайте нам свой выбор. Отдайте нам свой стыд.

На 14 дней вы перестанете быть Директором или Подчиненным, Дочерью или Сыном, Женой или Мужем. Вы станете никем. Вы станете свободным.

Полная анонимность. Полное подчинение. Полный покой.

Вы ничего не должны. Вы просто есть."

Алиса перечитала текст трижды. Каждое слово ложилось на её воспаленный мозг как прохладный компресс.

«Вы ничего не должны».

Эта фраза звучала как молитва. Как наркотик. Как обещание рая.

Внизу страницы не было привычных кнопок «Купить» или «Записаться». Там была только одна активная ссылка, пульсирующая слабым белым светом:

[Я СДАЮСЬ]

Это было безумие. Это выглядело как приглашение в секту или ловушка для богатых идиотов. Рациональная часть Алисы — та, что получила MBA и управляла тысячей сотрудников — кричала: «Закрой это! Это мошенники! Это опасно!».

Но другая часть Алисы — та, что скулила на полу пять минут назад — увидела в этой кнопке единственную дверь на выход из горящего здания.

Она посмотрела на соседнюю вкладку, где генеральный директор требовал крови. Посмотрела на телефон, где мать требовала внимания, а Кирилл — обслуживания.

— Я сдаюсь, — прошептала она вслух, пробуя эти слова на вкус. Они были сладкими.

Её палец коснулся тачпада. Курсор медленно, словно под гипнозом, пополз к пульсирующей надписи.

Экран моргнул, и черная бездна сменилась лаконичной формой оплаты. Никаких юридических соглашений, никаких галочек «Я принимаю условия использования», никаких ярких баннеров. Только поле для ввода карты и сумма.

500 000 RUB.

Полмиллиона за неделю. Цена подержанной иномарки или хорошего отдыха на Мальдивах. Но Алиса не моргнула глазом. Для мира, в котором она жила, деньги были просто цифрами, абстракцией, еще одним KPI.

Она потянулась к сумочке, брошенной на пол. Пальцы нащупали холодный пластик картхолдера. Она достала не свою личную карту. Её рука, движимая злой, мстительной иронией, вытянула корпоративную Platinum Business. Ту самую, лимит которой был предназначен для «представительских расходов» и «укрепления имиджа компании».

— Вы хотели оптимизацию? — прошептала она, вбивая шестнадцать цифр. — Вы хотели сократить расходы на персонал? Получайте.

Это было мелкое, крысиное воровство, недостойное её должности, но оно принесло ей извращенное удовольствие. Пусть платят. Пусть этот бездушный монстр, выпивший из неё все соки, оплатит её побег.

Она ввела срок действия. CVV. На телефон пришло уведомление с кодом.

«Оплата прошла успешно».

Экран снова сменился. Теперь на черном фоне светились только координаты GPS и короткая фраза:

«Локация: 55.xxxx, 37.xxxx. Код доступа: 0000. Вход только для тех, кто оставил себя за порогом. Не опаздывайте».

Алиса схватила стикер и дрожащей рукой переписала цифры. Бумага порвалась под нажимом ручки. Она сунула листок в карман брюк, скомкав его.

Оставалось последнее. Самое важное.

Она развернула окно Outlook. Вкладка «Настройки». Раздел «Автоматические ответы».

Обычно здесь стоял вежливый, выверенный до запятой текст: «Добрый день! Я нахожусь вне офиса до [дата]. По срочным вопросам обращайтесь к...». Корпоративная этика. Ложь, прикрытая вежливостью.

Алиса стерла всё. Курсор замигал на чистом белом поле. Она на секунду представила лицо генерального, когда он это прочтает. Лицо мамы. Лицо Кирилла.

Она начала печатать. Удары по клавишам были жесткими, громкими, как удары молотка, забивающего гвозди.

«Меня нет. Связи не будет. Решений не будет. Меня не существует. Не ищите. Не звоните. Не ждите. Считайте, что я умерла на 14 дней. Разбирайтесь сами».

Никакой подписи. Никакого «С уважением».

Кнопка «Сохранить».

Алиса выдохнула. Воздух со свистом покинул легкие, унося с собой остатки напряжения. Она сделала это. Она сожгла мосты, взорвала переправы и заминировала порты.

Теперь — тишина.

Телефон на столе снова ожил. На экране высветилось имя «Кирилл». Видимо, он потерял терпение, ожидая пароль от Госуслуг.

Алиса взяла айфон в руки. Он был тяжелым, гладким, совершенным устройством для пыток. Она зажала боковую кнопку и кнопку громкости. На экране появился ползунок «Выключить». Она провела по нему пальцем. Медленно. С наслаждением.

Экран погас. Черный прямоугольник превратился в кусок мертвого стекла и металла.

Затем она потянулась к стационарному телефону Cisco, стоявшему на краю стола. Сетевой шнур плотно сидел в гнезде. Она дернула его с силой, вырывая с корнем. Пластиковый коннектор хрустнул. Гудок в трубке оборвался.

Тишина.

Теперь в кабинете было по-настоящему тихо. Только далекий шум крови в ушах и тихое гудение системного блока под столом.

Ноги Алисы подкосились. Она не села в кресло. Оно было слишком высоким, слишком человеческим. Она сползла на пол, прямо на мягкий, дорогой ковролин.

Там, под огромным дубовым столом, было темно. Сюда не проникал свет ночного города. Сюда не доставали взгляды. Массивная столешница нависала над ней, как крыша. Как защита.

Алиса подтянула колени к груди, обхватила их руками. Дорогой пиджак натянулся на спине, но ей было все равно. Она свернулась в позе эмбриона. Щека коснулась ворса ковра. Здесь пахло пылью и антистатиком, но этот запах показался ей самым уютным на свете.

Она закрыла глаза. Впервые за последние пять лет, в этом темном углу под собственным рабочим столом, HR-директор Алиса улыбнулась. Искренней, блаженной, безумной улыбкой.

Завтра её здесь не будет. Завтра её вообще нигде не будет.

Глава 2. Контракт

Спустя четыре часа и сто тридцать километров, асфальт закончился так же резко, как её рабочие обязанности.

Алиса сбавила скорость. Её белоснежный Audi Q8, похожий на космический корабль, случайно приземлившись в болоте, мягко переваливался через корни сосен, торчащие из размокшей грунтовки. Шины, привыкшие к гладкому покрытию Кутузовского проспекта и подземных паркингов Москва-Сити, недовольно шуршали, разбрызгивая жидкую, черную грязь по идеально отполированным крыльям.

Навигатор молчал уже минут двадцать. Синяя точка на экране мультимедийной системы зависла посреди серого пятна, обозначенного как «Лесной массив №4». Никаких дорог, никаких поселков, никаких ориентиров. Только координаты: 55.xxxx, 37.xxxx.

— Вы прибыли к месту назначения, — равнодушно сообщил механический женский голос. — Маршрут завершен.

Алиса нажала на тормоз. Машина встала, слегка качнувшись.

Перед ней, вырастая прямо из стены осеннего тумана, возвышался забор. Это был не изящный кованый частокол элитного коттеджного поселка и не сетка-рабица дачного кооператива. Это был монолит. Сплошные листы черного матового профнастила высотой метра в три, увенчанные чем-то похожим на спираль Бруно, только без колючек — гладкая, скользкая сталь, за которую невозможно уцепиться.

Ни вывески «Санаторий», ни таблички «Частная территория». Ни звонка.

Алиса заглушила двигатель. Тишина, которая навалилась на салон, была плотной, ватной, почти осязаемой. Здесь не пели птицы. Здесь не шумел ветер. Лес стоял мертвым строем, словно почетный караул на похоронах.

Она посмотрела на ворота. Они выглядели как вход в преисподнюю или в сверхсекретный военный бункер. Единственным признаком жизни была камера видеонаблюдения — черный глаз циклопа, закрепленный на высоком столбе справа.

Алиса почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не страх, нет. Страх остался там, в городе, в папке «Входящие». Это было другое чувство — смесь трепета и мрачного предвкушения. Так чувствует себя пациент, лежащий на операционный стол: он знает, что будет больно, но надеется, что после наркоза проснется другим человеком.

Камера с тихим жужжанием, которое в этой тишине прозвучало как визг бензопилы, повернулась в её сторону. Объектив сфокусировался на лобовом стекле, сканируя её лицо. Алиса не отвернулась. Она смотрела прямо в черную линзу, позволяя системе считать её сетчатку, её усталость, её капитуляцию.

Рядом с воротами, на уровне водительского окна, зажегся маленький дисплей кодовой панели.

Алиса опустила стекло. В салон ворвался воздух — сырой, пахнувший прелой листвой и мокрой землей. Запах разложения и новой жизни. Она порылась в кармане и достала скомканный стикер с цифрами.

0000.

Четыре ноля. Код пустоты. Код обнуления.

Её палец с безупречным маникюром завис над кнопками. Если она введет их — назад дороги не будет. Эти ворота отсекут её от всего, что составляло её личность: от мамы, от Кирилла, от должности, от платиновых карт.

— Ну же, — прошептала она. — Ты же хотела исчезнуть.

Она нажала кнопки. Пик. Пик. Пик. Пик.

Секунда тишины. Затем тяжелые створки дрогнули. Скрытый механизм, смазанный и мощный, пришел в движение. Ворота начали медленно, без единого скрипа, разъезжаться в стороны, открывая проход в темноту еловой аллеи.

Алиса перевела селектор коробки передач в режим Drive. Нога отпустила тормоз. Машина плавно вкатилась внутрь периметра.

Как только задний бампер Audi пересек невидимую черту, створки за её спиной начали сходиться.

КЛАНГ.

Звук захлопнувшегося магнитного замка был похож на выстрел в затылок. Или на звук падающей крышки люка. Алиса посмотрела в зеркало заднего вида. Сплошная черная стена снова стала единой.

Внешний мир перестал существовать. Теперь она была внутри. В утробе. Или в желудке.

Впереди, в конце аллеи, сквозь туман проступали очертания здания — строгого куба из серого бетона и стекла, больше похожего на мавзолей, чем на отель.

Алиса улыбнулась своему отражению в зеркале. Улыбка вышла кривой, нервной, но честной.

— Привет, ничтожество, — сказала она себе. — Ты дома.

Алиса заглушила двигатель, но еще с минуту сидела в машине, вцепившись в руль так, что побелели костяшки. Тишина снаружи давила на стекла «Ауди» с силой нескольких атмосфер. Здесь, в этой бетонной коробке посреди леса, её статус, её деньги, её связи — всё это превратилось в фантики.

Она глубоко вздохнула, поправила лацканы пиджака — привычный жест, собирающий «я» в кулак перед сложными переговорами, — и толкнула дверь.

Воздух снаружи был холодным и вкусным, как ключевая вода, но абсолютно неподвижным. Алиса захлопнула дверь машины. Звук прозвучал глухо, словно его тут же проглотил мох, покрывающий стволы деревьев. Она подхватила с пассажирского сиденья свою сумку Birkin — кожа страуса, очередь два года, цена однокомнатной квартиры в регионе — и направилась ко входу.

Здание напоминало не отель и не клинику, а частную галерею современного искусства или скандинавскую тюрьму класса «люкс». Серый необработанный бетон, тонированное стекло от пола до крыши, идеальная геометрия прямых линий. Никаких ручек. Массивная стеклянная дверь бесшумно отъехала в сторону, стоило Алисе приблизиться.

Она шагнула внутрь, готовясь натянуть на лицо дежурную улыбку для администратора.

— Добрый день, у меня бронь на имя... — начала она, и её голос, звонкий и уверенный, ударился о бетонные стены, разлетелся эхом и затих.

Отвечать было некому.

Холл был пуст. Огромное пространство с потолками высотой метров в шесть было залито холодным, рассеянным светом, льющим из скрытых ниш. Пол — наливной бетон, отполированный до зеркального блеска. Стены — тот же бетон, только матовый.

Ни стойки ресепшн. Ни пальм в кадках. Ни мягких диванов. Ни кулера с водой. Ни улыбчивых девушек в униформе.

Только вакуум.

— Эй? — уже тише позвала Алиса. — Есть кто-нибудь?

Тишина в ответ была такой плотной, что в ушах снова зазвенело. Это была не просто тишина, это было отсутствие присутствия. Стерильность операционной перед тем, как внесут пациента.

Посреди этого бетонного поля стоял единственный предмет мебели — низкий столик из черного камня, похожий на алтарь. Рядом — жесткий, неудобный стул с прямой спинкой.

Алиса, цокая каблучками — этот звук казался здесь кошунственно громким, — подошла к столику.

На черной поверхности стоял граненый стакан с водой. Рядом, на маленьком белом блюде, лежала одна таблетка. Белая, круглая, без маркировки. И сложенный вдвое лист плотной бумаги.

Алиса взяла записку. Текст был напечатан на машинке, буквы слегка продавили бумагу: «Сядьте. Выпейте. Ждите. Терпение — первая добродетель, которую вы утратили. Телефон — на стол. Не вставать».

Алиса фыркнула. В ней мгновенно проснулся HR-директор, привыкший к сервису уровня «Ritz-Carlton».

— Вы издеваетесь? — спросила она у пустоты, оглядываясь в поиске камер. — Я заплатила полмиллиона за то, чтобы сидеть на табуретке? Где персонал? Где договор?

Она демонстративно не села. Подошла к окну. За тонированным стеклом стеной стоял лес. Ни души.

Она посмотрела на часы. 10:15.

«Ладно, — подумала она. — Это часть игры. Они набивают цену. Сейчас выйдет какой-нибудь гуру в белом халате».

Прошло десять минут. Алиса изучила фактуру бетона на стенах.

Прошло двадцать минут. Она начала ходить по холлу из угла в угол. Цок-цок-цок. Звук собственных шагов начал её раздражать.

Прошло сорок минут. Гнев сменился тревогой. А вдруг это ошибка? Вдруг здесь никого нет? Вдруг она заперта? Она дернулась к входной двери. Стеклопанель не шелохнулась. Заблокировано.

Она оказалась в ловушке. В дорогой, стильной бетонной коробке без связи и людей.

Алиса вернулась к столику. В горле пересохло. Жажда, о которой она не думала раньше, вдруг стала невыносимой. Она посмотрела на стакан. Вода была прозрачной, ледяной, манящей.

— Черт с вами, — прошептала она.

Она села на жесткий стул. Спина мгновенно ощутила дискомфорт — никакой эргономики, только дисциплина. Она достала из кармана выключенный телефон и с глухим стуком положила его на черный камень. Затем взяла таблетку.

«Что это? Снотворное? Витамины? Цианид?» — мелькнула мысль. Но ей было уже всё равно. Ей хотелось, чтобы что-то произошло. Что угодно, лишь бы прекратилась эта звенящая пытка ожиданием.

Она закинула таблетку в рот и запила водой залпом. Вода была вкусной, без привкуса хлорки.

Алиса поставила пустой стакан на стол. Сложила руки на коленях, как прилежная школьница. И стала ждать, чувствуя, как время течет сквозь неё густой, вязкой смолой, замедляя сердцебиение.

Она ждала. И в этом ожидании, лишенном гаджетов и целей, её внутренний "директор" начал медленно, мучительно умирать, уступая место кому-то другому. Кому-то, кто просто сидит и ждет команды.

Дверь в стене, которую Алиса принимала за декоративную панель, открылась беззвучно. В комнате не изменилось давление, не подул сквозняк, но воздух вдруг стал тяжелым, заряженным статическим электричеством. Алиса, клевавшая носом от монотонного ожидания и, возможно, от действия таблетки, вздрогнула и выпрямилась, инстинктивно одергивая пиджак.

В проеме стоял мужчина.

Алиса ожидала увидеть кого угодно: врача в накрахмаленном халате, гуру в льняных одеждах, администратора с фальшивой улыбкой. Но вошедший не вписывался ни в один шаблон.

Ему было около пятидесяти. Высокий, поджарый, с той породой, которую не купишь в фитнес-клубе, а зарабатываешь годами дисциплины. Он был одет в темно-серый кашемировый свитер с высоким горлом и мягкие шерстяные брюки. Никаких логотипов, никаких бейджей. Только лицо — спокойное, гладкое, с холодными, прозрачно-серыми глазами, которые смотрели не на Алису, а сквозь неё.

Он не поздоровался. Не извинился за ожидание. Он просто вошел в пространство холла, мгновенно заполнив его собой, и направился к ней. Его шаги в мягких мокасинах были абсолютно бесшумными.

Алиса встала. Ей захотелось вернуть контроль над ситуацией.

— Наконец-то, — её голос прозвучал резко, с привычными начальственными нотками. — Я жду здесь почти час. Это часть вашей «терапии»? Если да, то сервис оставляет желать лучшего. Я Алиса Шевцова, и у меня...

Мужчина остановился в метре от неё. Он не протянул руки. Он даже не моргнул.

— Я знаю, кто вы, — его голос был тихим, низким, обволакивающим, как рокот далекого прибоя. — И я вижу, что вы.

Он медленно обошел вокруг неё. Алиса застыла, чувствуя себя породистой лошастью на аукционе, которую осматривает потенциальный покупатель. Его взгляд скользнул по её спине, задержался на шее, спустился к ногам. Это не был сальный, раздевающий взгляд мужчины. Это был взгляд инженера, оценивающего степень износа конструкции.

— Плечи подняты к ушам. Хронический гипертонус трапециевидных мышц, — констатировал он, остановившись у неё за спиной. Алиса почувствовала запах его парфюма — сложный аромат сандала, кожи и холодного металла. — Вы носите этот груз ответственности даже во сне.

Алиса хотела повернуться и ответить колкостью, но его голос пригвоздил её к месту.

— Челюсть сжата так, что желваки ходят. Бруксизм? Стираете эмаль по ночам?

— Откуда вы... — начала она, оборачиваясь.

— Это видно, — перебил он, глядя ей прямо в глаза. В его взгляде не было сочувствия, только клинический интерес. — Кожа сухая, обезвоженная. Кортизоловый живот, несмотря на худобу. Тремор пальцев. Вы не просто устали, Алиса. Вы сломаны.

— Я плачу вам не за диагнозы, которые мне ставит косметолог, — огрызнулась она, чувствуя, как краска стыда заливает шею. Ей было неприятно, что этот незнакомец читает её тело как открытую книгу жалоб. — Я плачу за отдых.

Мужчина усмехнулся. Усмешка коснулась только уголков его губ, но глаза остались ледяными.

— Вы платите за то, чтобы я забрал у вас право быть такой, — сказал он. — Вы выглядите хуже, чем я ожидал. Материал изношен. Придется работать жестче, чем планировалось.

Слово «материал» резанул слух. Алиса открыла рот, чтобы возмутиться, чтобы напомнить ему, кто она такая, сколько стоит её час и что она может купить это место вместе с ним. Но слова застряли в горле.

Впервые за много лет кто-то смотрел на неё не как на «HR-директора», не как на «ресурс», а как на объект, требующий ремонта. И в этом унижительном осмотре была странная, пугающая забота. Он не пытался ей понравиться. Ему было плевать на её статус.

— Кто вы? — спросила она уже тише.

— Здесь — Хозяин, — ответил он просто, без пафоса, как констатируют факт гравитации. — А вы — гость, который забыл правила приличия.

Он развернулся и пошел к той самой двери, откуда появился.

— Следуйте за мной. И оставьте сумку. Ей там не место.

Алиса посмотрела на свою Birkin, стоящую на столике рядом с пустым стаканом. Символ её успеха. Её броня.

— Но там документы... — начала она.

Хозяин даже не обернулся.

— Они вам больше не понадобятся.

Алиса колебалась секунду. Её «внутренний директор» кричал, что это нарушение личных границ. Но ноги сами сделали шаг. Потом второй. Она оставила сумку на черном камне и пошла за мужчиной в серую неизвестность, чувствуя, как с каждым шагом её воля тает, растворяясь в этом холодном, бетонном воздухе.

Алиса прошла следом за Хозяином в кабинет, который больше напоминал комнату для допросов в футуристической тюрьме. Здесь не было окон. Стены были обшиты звукопоглощающими панелями цвета графита, поглощающими любой шум, любое эхо. В центре стоял тяжелый металлический стол, привинченный к полу, и два стула.

Над столом висела единственная лампа, бросающая круг жесткого, белого света на полированную столешницу.

— Садитесь, — Хозяин указал на стул напротив.

Алиса села. Стул был жестким, холодным, без подлокотников. Ей некуда было деть руки. Она попыталась сложить их на груди в защитном жесте, но под взглядом серых глаз почувствовала себя глупо и просто положила ладони на колени, сцепив пальцы в замок.

Хозяин сел напротив. Он не открыл ноутбук, не достал блокнот. Между ними не было никаких барьеров, кроме полосы света.

— Итак, Алиса Викторовна Шевцова, — произнес он, словно взвешивая её имя на невидимых весах. — Двадцать восемь лет. HR-директор. Доход — семьсот тысяч в месяц плюс бонусы. Квартира в ипотеку на Остоженке. «Ауди» в лизинг. Мужчина, которого вы называете партнером, но не любите. Родители, которых вы содержите, но не выносите.

Алиса вздрогнула.

— Вы читали моё досье? — спросила она резко. — Это конфиденциальная информация.

— Я не читал досье. Я читаю вас, — он слегка наклонился вперед. — Ваши плечи говорят о грузе, который вы не выбирали. Ваши ногти, впивающиеся в ладони, говорят о подавленной агрессии. Ваши глаза... они кричат о том, что вы хотите сдохнуть, но боитесь боли.

— Я приехала сюда отдохнуть, — процедила Алиса, стараясь держать лицо. — У меня выгорание. Мне нужен детокс. Тишина. Спа.

Хозяин усмехнулся. Это была неприятная, хирургическая усмешка.

— Выгорание — это модное слово для слабых, Алиса. Вы не выгорели. Вы просто устали врать.

Он замолчал, давая тишине сделать своё дело. В этой комнате тишина была оружием. Она давила на уши, заставляя слышать собственный пульс.

— Скажите мне, — его голос стал тише, интимнее, — когда вы в последний раз спали без таблеток?

Алиса отвела взгляд. — Не помню. Полгода назад. Может, год.

— Когда вы в последний раз ели с аппетитом, а не закидывали в себя еду как топливо, глядя в телефон?

— Я... я слежу за фигурой. Интервальное голодание.

— Ложь. У вас нет вкуса к жизни. Ваш желудок сжат спазмом страха. Вы боитесь не успеть. Боитесь не соответствовать. Боитесь, что если остановитесь хоть на секунду, то карточный домик вашей «успешной жизни» рухнет.

Алиса почувствовала, как к горлу подступает ком. Он бил по самым больным точкам, сдирая с неё слой за слоем защитную броню цинизма.

— Кто вы без своей визитки, Алиса? — вдруг спросил он жестко. — Если я заберу у вас должность, деньги, телефон, маму, Кирилла... что останется?

— Я останусь! — выкрикнула она, и голос сорвался на визг. — Я личность! У меня есть образование, я...

— Нет, — он перебил её спокойно, как перебивают истерику ребенка. — Ничего не останется. Пустота. Вы — функция. Вы — набор социальных ожиданий. Вы — дрессированная обезьянка, которая научилась носить костюм и нажимать кнопки, чтобы получить банан в виде премии. Но внутри...

Он встал и медленно обошел стол. Алиса замерла, чувствуя его присутствие спиной. Он положил руки ей на плечи. Его ладони были тяжелыми, горячими. Он надавил на трапециевидные мышцы, и Алиса невольно выдохнула от боли и облегчения одновременно.

— Внутри вы — маленькое, испуганное животное, — прошептал он ей на ухо. — Загнанная сука, которая мечтает только об одном. Чтобы кто-то сильный пришел, взял за шкурку и сказал: «Всё. Хватит. Ты больше не должна решать».

Слезы брызнули из глаз Алисы непрошеным потоком. Она не хотела плакать перед этим надменным типом, но его слова попали в самую точку. Это была правда, которую она боялась признать даже в душе. Она не хотела быть директором. Она хотела быть вдовой.

— Вы хотите сдать полномочия, Алиса? — спросил он, усиливая давление рук. — Вы хотите отдать мне свою волю? Свою ответственность? Свой стыд?

— Да... — выдохнула она, и это слово прозвучало как стон. — Я так устала... Господи, как же я устала.

Хозяин убрал руки. Тепло исчезло, оставив холод.

— Хорошо. Я беру вас. Но предупреждаю: это не санаторий. Я не буду вас жалеть. Я буду вас ломать, чтобы собрать заново. Я вырежу из вас эту опухоль «личности» и оставлю только чистый, здоровый инстинкт.

Он вернулся на своё место и достал из ящика стола один-единственный лист бумаги.

— Это не контракт на оказание услуг. Это акт капитуляции. Читайте. Или подписывайте так. Мне всё равно. Вы уже согласились.

Лист бумаги лег на холодную поверхность металлического стола с сухим шелестом, похожим на звук осыпающейся осенней листвы. Это был не стандартный офисный лист А4, а плотная, кремовая бумага с водяными знаками, напоминающая гербовые бланки или свидетельства о смерти.

Алиса опустила глаза. Заголовок был напечатан жирным шрифтом без засечек:

ДОГОВОР ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ СУБЪЕКТНОСТИ

Ни логотипа, ни юридического адреса. Только текст, разбитый на пункты.

Хозяин положил рядом тяжелую перьевую ручку Montblanc. Черный лак корпуса блеснул в свете лампы, как зрачок хищника.

— Читайте, — сказал он. — Или не читайте. Суть от этого не изменится. Вы отдаете мне всё.

Алиса подвинула лист ближе. Её «внутренний юрист», привыкший вычитывать трудовые договоры и соглашения о неразглашении, автоматически начал сканировать текст, цепляясь за формулировки. И с каждой строчкой у него начиналась истерика.

1. Заказчик добровольно отказывается от права на свободу передвижения, коммуникацию с внешним миром и принятие любых решений на срок действия Программы (14 дней).

2. Исполнитель (далее — Хозяин) получает полное право распоряжаться режимом дня, питанием, сном и физиологией Заказчика.

3. Заказчик дает безоговорочное согласие на применение методов физического и психологического воздействия, включая болевые стимулы, сенсорную депривацию и ограничение подвижности, в терапевтических целях.

4. Заказчик признает за Хозяином право использовать своё тело для любых манипуляций, необходимых для подавления Эго и восстановления природных инстинктов.

5. Претензии по поводу морального ущерба, унижения чести и достоинства не принимаются. Понятия «честь» и «достоинство» на территории Центра считаются патологией.

— Это... это незаконно, — прошептала Алиса, не поднимая головы. — Это рабство. Уголовный кодекс... статья 127...

— Вы сейчас не в суде, Алиса, — голос Хозяина звучал скучающе. — Вы в чистилище. А здесь законы людей не действуют.

Он постучал пальцем по пункту 4.

— Вы боитесь этого пункта? Того, что я буду вас использовать?

Алиса подняла на него взгляд. В её глазах плескался страх, смешанный с темным, тягучим желанием.

— Я боюсь, что мне это понравится, — честно ответила она.

Хозяин едва заметно кивнул. Это был правильный ответ.

— Там, за воротами, — он кивнул в сторону стены, — вас тоже используют. Вас имеет банк, выдавший ипотеку. Вас имеет мать, требующая внимания. Вас имеет ваш Кирилл, которому нужна домработница с функцией секса. Вас имеет совет директоров. Но они лицемеры. Они называют это «любовью», «долгом» или «карьерой». А я честен. Я называю вещи своими именами. Вы — собственность.

Алиса снова посмотрела на бумагу. Буквы расплывались.

Она представила, что сейчас встанет, порвет этот лист и уйдет. Сядет в свою Audi, вернется в Москву. В понедельник совещание. Во вторник отчет. В среду день рождения мамы. В четверг...

Её затошнило. Перспектива вернуться в свою «свободную» жизнь показалась ей страшнее, чем любой пункт этого садистского контракта. Там была бесконечная гонка на беговой дорожке, которая никуда не вела. Здесь был конец пути. Здесь была стена, в которую можно упереться лбом и замереть.

— Ручка пишет черным, — сказал Хозяин.

Алиса взяла Montblanc. Ручка была тяжелой, холодной, идеально сбалансированной. Она чувствовала её вес в руке как вес оружия. Или как вес ключа от камеры.

— Если я подпишу... я больше не смогу сказать «нет»?

— Никогда. Слово «нет» останется здесь, на бумаге.

Алиса закрыла глаза. Она вспомнила о Ивановой, которую уволила вчера. Вспомнила своё отражение в окне. Вспомнила собаку на помойке.

«Я хочу быть собакой. Я хочу быть сытой и бездумной».

Она открыла глаза и размашисто, не дрогнувшей рукой, поставила подпись внизу страницы. Росчерк вышел резким, агрессивным — как последний крик тонущего.

А. Шевцова.

Она положила ручку. Звук удара металла о металл прозвучал как лязг затвора.

Хозяин протянул руку и медленно, двумя пальцами, забрал лист. Он даже не взглянул на подпись. Он знал, что она подпишет, с той минуты, как она вошла в дверь.

Он убрал лист в папку. Затем посмотрел на неё — теперь уже совсем другим взглядом. В этом взгляде больше не было интереса исследователя. В нем была хозяйская уверенность. Власть. Абсолютное обладание.

— Алиса Викторовна Шевцова умерла, — произнес он ровным голосом. — Её больше нет. Её проблемы, её амбиции, её страхи остались в этом листе бумаги.

Он встал из-за стола, обошел его и остановился перед ней. Его тень накрыла её.

— Встать, — скомандовал он. Не громко, но так, что мышцы Алисы сократились рефлексивно, подбрасывая тело вверх.

Она встала, чувствуя, как дрожат колени.

Хозяин окинул её взглядом с головы до ног — дорогой костюм, шелковая блузка, часы Cartier, туфли Jimmy Choo. Всё это теперь было мусором. Оберткой, которую нужно сорвать, чтобы добраться до сути.

— Добро пожаловать в стаю, Сука, — сказал он. — Раздевайся.

Глава 3. Униформа

Команда «Раздевайся» повисла в воздухе, не встретив сопротивления, но застряв в сознании Алисы, как рыба кость в горле.

Она стояла перед Хозяином, всё ещё цепляясь за остатки своей корпоративной брони. Её пальцы, привыкшие перебирать документы и подписывать счета, дрогнули, потянувшись к пуговице пиджака. Это был Мах Мага, кашемир с шелком, цвет «camel», коллекция прошлого года. Вещь, которая кричала: «Я успешна, я компетентна, я стою дорого».

— Быстрее, — голос Хозяина был сухим, лишенным даже намёка на вождество. Так врач торопит пациента перед неприятной процедурой. — У меня нет времени ждать, пока ты попрощаешься с тряпками.

Алиса судорожно растегнула пуговицу. Пиджак соскользнул с плеч, обнажив шелковую блузку. Воздух в комнате был прохладным, стерилизованным кондиционерами, и холод тут же лизнул её сквозь тонкую ткань.

Она аккуратно сложила пиджак по швам — привычка к порядку, въевшаяся в подкорку, — и положила его на спинку свободного стула.

Затем туфли. Черные лодочки Jimmy Choo на десятисантиметровой шпильке. Орудия пытки, которые она носила как ордена за мужество. Она скинула их, и пол стал на десять сантиметров ближе. Сразу изменилась осанка: исчезла хищная грация, она стала ниже, приземленнее. Стопы, освобожденные из тесного плена, заныли.

Дальше — брюки. Молния взвизгнула в тишине неестественно громко. Брюки упали к лодыжкам. Алиса переступила через них, чувствуя себя неуклюжей. Она подняла их, стряхнула несуществующую пыль и аккуратно, стрелка к стрелке, положила поверх пиджака.

Осталась блузка. Пальцы путались в мелких пуговицах. Алиса чувствовала на себе взгляд Хозяина — тяжелый, неподвижный, как луч прожектора. Ей хотелось прикрыться, сжаться, но бежать было некуда.

Последняя пуговица поддалась. Блузка полетела на стул.

Теперь белье. Дорогое, кружевное, черное. Комплект Agent Provocateur, купленный для того, чтобы чувствовать себя уверенно на переговорах, зная, что под строгим костюмом скрыта тайна. Теперь эта тайна выглядела жалко.

— Всё, — сказал Хозяин, когда она потянулась к застежке бюстгалтера. — Снимай.

Алиса растегнула крючки. Бретельки упали. Следом скользнули вниз трусики.

Она осталась абсолютно нагой под ярким светом лампы. Её кожа покрылась мурашками. Ей захотелось скрестить руки на груди, спрятать лобок, закрыть лицо волосами. Но она заставила себя стоять прямо, дрожа от холода и унижения.

Она наклонилась, подняла белье и положила его на вершину аккуратной стопки одежды на стуле. Это была маленькая пирамида её личности. Её стиль. Её статус. Её «Я».

Хозяин подошел к стулу.

Он посмотрел на стопку вещей с безразличием, с какой смотрят на грязную упаковку от фастфуда.

— Ты думаешь, это имеет ценность? — спросил он тихо.

Алиса молчала. В её голове мелькали цифры: двести тысяч, пятьдесят, тридцать... Этот стул стоил как почка.

Хозяин протянул руку. Он не стал разбирать вещи. Он сгреб их все разом — шелк, кашемир, кружево — в одну бесформенную кучу. Грубо, скомкав, превратив дизайнерские шедевры в тряпье.

Алиса дернулась, словно он ударил её.

Хозяин подошел к стене, где виднелась панель мусоропровода — хромированный люк, похожий на зев печи. Он нажал педаль ногой. Люк открылся с шипением пневматики.

— Нет! — вырвалось у Алисы. — Это же...

Хозяин швырнул ком одежды внутрь.

— Это мусор, — отрезал он.

Люк захлопнулся, проглотив её "Max Mara" и "Jimmy Choo". Где-то в глубине стены зашумел вакуумный насос, унося её прошлую жизнь в преисподнюю утилизации.

Алиса стояла, глядя на закрытый люк. У неё было чувство, что её только что сожгли заживо.

— Твоя оболочка уничтожена, — сказал Хозяин, поворачиваясь к ней. Теперь между ними не было ничего: ни стола, ни одежды, ни социальных условностей. — Осталось только мясо. Давай посмотрим, какого оно качества.

Алиса стояла под яркой лампой, как под прицелом. Когда люк мусоропровода с шипением поглотил её «Max Mara», она почувствовала себя не просто голой, а освеженной. Кожа, лишенная шелка и кашемира, мгновенно покрылась пупырышками от холодного кондиционированного воздуха.

Инстинкт сработал быстрее разума. Руки Алисы сами собой метнулись к телу: одна ладонь прикрыла лобок, другая — грудь. Жест Евы, изгнанной из рая. Жест стыда, вбитый в генетическую память тысячелетиями цивилизации.

Хозяин медленно обошел вокруг неё. Его шаги по бетонному полу были беззвучными, но Алиса чувствовала вибрацию пола босыми ступнями. Он остановился перед ней, глядя на её скрещенные руки с брезгливостью, с какой смотрят на сломанный механизм.

— Убери руки, — его голос был тихим, ровным, лишенным эмоций. — Животные не знают стыда. Стыд — это человеческая болезнь. А мы здесь, чтобы тебя вылечить.

Алиса замешкалась. Её мышцы свело спазмом. Хозяин шагнул вплотную. Его рука, сухая и жесткая, перехватила её запястье и с силой, не терпящей возражений, рванула вниз.

— Я сказал: руки по швам.

Алиса подчинилась, выпрямляясь в струнку. Теперь прятать было нечего.

Он начал осмотр. Это не было похоже на прикосновения любовника и даже на осмотр врача. Это была инвентаризация.

Хозяин взял её за подбородок, сжав пальцы так, что ей пришлось приоткрыть рот. — Открой шире, — скомандовал он.

Он бесцеремонно сунул большой палец ей в рот, оттягивая нижнюю губу вниз, обнажая десны и ряд ровных, отбеленных в лучших клиниках Швейцарии зубов.

— Эмаль стерта, — констатировал он, проводя подушечкой пальца по резцам. Алиса почувствовала вкус его кожи — солоноватый, чужой. — Бруксизм. Скрипишь зубами во сне от злости и страха. Десны бледные. Анемия? Или просто на диетах сидишь?

Он отпустил её челюсть. Алиса сглотнула вязкую слюну, чувствуя себя лошадью, которой смотрят в зубы перед покупкой.

Его руки скользнули вниз, по шее, к ключицам. Он нажал на ямки над ключицами, проверяя лимфоузлы. Затем ладони легли на грудь. Он не ласкал. Он взвешивал. Сжал левую грудь, проверяя тургор кожи, провел большим пальцем по соску, который мгновенно отвердел от холода и страха.

— Грудь хорошая. Не рожала, не кормила. Ресурс не выработан, — прокомментировал он вслух, словно делал запись в невидимом журнале. — Но кожа сухая. Ты обезвожена, Сука. Твоё тело кричит о воде.

Алиса стояла, глядя в стену перед собой. Ей казалось, что если она встретится с ним взглядом, то рассыплется.

— Повернись, — приказал он.

Она повернулась спиной. Его ладонь, тяжелая и горячая, легла на крестец, с силой надавливая на позвоночник.

— Лордоз. Офисная осанка. Жопка плоская, мышц нет, один жир и кортизол. Ты сидишь по двенадцать часов в день. Твой таз застоялся.

— Ноги шире, — скомандовал он.

Алиса замерла.

— Шире, — повторил он, и шлепок его ладони по её ягодице прозвучал как выстрел. Кожа вспыхнула огнем. Она расставила ноги на ширину плеч, чувствуя, как унижение горячей волной поднимается от живота к горлу.

Хозяин опустился на одно колено позади неё. Алиса почувствовала его дыхание на внутренней стороне бедер. Его пальцы коснулись промежности. Грубо, уверенно, по-хозяйски. Он развел ягодицы, осматривая анус, затем его рука скользнула вперед, между ног.

Алиса судорожно втянула воздух. Это было нарушение всех границ. В её мире, где даже рукопожатие регламентировалось протоколом, такое вторжение было немыслимым. Но здесь, в бетонной коробке, её протоколы не действовали.

— Слизистая бледная, — прокомментировал он, разводя пальцами половые губы. Он осматривал её вульву так же деловито, как до этого смотрел десны. Никакого возбуждения в голосе, только холодная оценка фактов. — Сухость. Атрофия от неиспользования.

Он надавил пальцем на вход во влагалище, проверяя упругость мышц. Алиса невольно сжалась.

— Расслабься, — он шлепнул её по внутренней стороне бедра. — Ты зажата, как капкан. Твоя женская суть спит. Ты забила её отчетами и графиками. Здесь пусто, сухо и холодно. Как в склепе.

Он убрал руку и вытер пальцы о салфетку.

— Повернись.

Алиса повернулась. Её лицо пылало. Она чувствовала фантомное присутствие его пальцев внутри себя. Хозяин поднялся с колен. Теперь он смотрел ей прямо в глаза.

— Экстерьер удовлетворительный, — подвел он итог. — Порода видна, но запущена. Ты — типичный пример дорогого, но бесполезного декоративного животного. Мышцы слабые, инстинкты подавлены, репродуктивная система в спячке. Ты не самка, Алиса. Ты — манекен.

Он шагнул к металлическому шкафу у стены.

— Но материал рабочий. Будем исправлять.

Алиса стояла, тяжело дыша. Слова «манекен» и «бесполезная» ударили сильнее, чем шлепок. Она всю жизнь гордилась своей эффективностью. А оказалось, что с точки зрения природы она — брак. И самое страшное было в том, что где-то глубоко внутри, в той самой «сухой и холодной» пустоте, она была с ним согласна.

— Одевайся, — бросил он, доставая что-то из шкафа. — Твоя новая одежда ждет.

Алиса, дрожащая от холода и стыда, невольно подалась вперед, ожидая, что Хозяин протянет ей халат, спортивный костюм или хотя бы плед. Её тело кричало о необходимости прикрыться, вернуть себе хотя бы иллюзию защищенности.

Но Хозяин повернулся к ней с пустыми руками.

Точнее, так показалось сначала. В его правой руке, сложенной в кулак, что-то темнело. Он подошел ближе, и Алиса почувствовала резкий, терпкий запах. Пахло не стиральным порошком и не кондиционером для белья. Пахло дегтем, дубильными веществами и грубой, сыромятной кожей. Запах конюшни. Запах упряжи.

Хозяин разжал пальцы.

На его ладони лежал широкий, в три пальца толщиной, черный ошейник.

Это была не игровая полоска из секс-шопа со стразами или розовым пушком. Это был серьезный, функциональный инструмент. Толстая, жесткая кожа, прошитая суровой нитью. Массивная стальная пряжка, блестящая холодной угрозой. И тяжелое, сварное D-образное кольцо посередине — для карабина поводка.

Алиса отшатнулась.

— Это... — её голос дрогнул. — Это шутка? Я думала, вы дадите мне одежду.

— Это и есть твоя одежда, — спокойно ответил Хозяин, расстегивая пряжку. Кожа скрипнула — звук был глухим, плотным. — Единственная вещь, которая тебе здесь понадобится. Униформа. Знак отличия.

Он шагнул вплотную. Алиса инстинктивно вжала голову в плечи, пытаясь защитить шею — самое уязвимое место.

— Подбородок вверх, — скомандовал он.

Алиса замерла. Её гордость, та самая, что заставляла её смотреть свысока на подчиненных, сейчас взбунтовалась. Но тело... Тело, измученное годами офисного рабства, вдруг предательски обмякло.

— Вверх, — повторил он, и в голосе звякнул металл.

Алиса медленно, преодолевая сопротивление шейных позвонков, подняла голову. Она открыла горло. Древний жест покорности. Жест животного, признающего поражение в схватке.

Хозяин накинуд кожаную ленту ей на шею.

Кожа была холодной и жесткой. Она легла на нежную кожу горла тяжелым, чужеродным грузом. Хозяин завел концы назад, к затылку. Алиса услышала звук застегиваемой пряжки.

Щелк.

Первое отверстие. Ошейник сидел свободно, просто висел на ключицах.

Щелк.

Второе. Кожа обхватила шею, но ещё позволяла крутить головой.

Щелк.

Третье.

Алиса судорожно втянула воздух. Ошейник сжался. Он не душил, не перекрывал кислород, но он сел. Плотно. Намертво. Жесткие края кожи впились в мягкие ткани под челюстью.

Она попыталась сглотнуть. Щитовидный хрящ уперся в кожу. Теперь каждое глотательное движение, каждый поворот головы, каждый вдох напоминали ей о том, что на ней надето.

— Идеально, — прокомментировал Хозяин, проверяя посадку двумя пальцами. — Туго, но не душит. Как объятие, которого ты так ждала.

Алиса подняла руку, чтобы коснуться его. Пальцы нащупали холодный металл кольца. Оно тянуло вниз.

Это было странное ощущение. Ошейник весил граммов двести, не больше, но Алисе казалось, что на шею ей повесили пудовую гирию. Центр тяжести сместился. Раньше её осью был позвоночник, её стержень. Теперь осью стала шея. Вся её жизнь, всё её внимание сфокусировались в этой полоске кожи.

Она чувствовала себя голой сильнее, чем минуту назад. Ошейник не скрывал наготу, он её подчеркивал. Он делал её наготу не естественной, а функциональной. Как у лошади в сбруе.

— Запомни этот вес, — сказал Хозяин, глядя ей в глаза. — Теперь он будет с тобой всегда. Когда ты спишь, когда ешь, когда ползаешь. Это твой якорь. Твои «Cartier» были кандалами, которые ты носила добровольно ради других. Этот ошейник — свобода от выбора. Тебе больше не нужно решать, кто ты. Ты — то, что на тебе надето.

Алиса опустила руки. Она стояла перед ним — HR-директор, исчезнувший в мусоропроводе, и новорожденная Сука, обозначенная куском кожи. И самое ужасное было в том, что вместе с тяжестью на шее пришло странное, темное, почти наркотическое спокойствие.

Ей больше не нужно было подбирать галстук к блузке. Её гардероб был укомплектован.

— Повернись к зеркалу, — приказал Хозяин. — Посмотри на свою новую суть.

Алиса судорожно сглотнула. Кадык в очередной раз стукнулся о жесткий край кожи, и это ощущение — инородного предмета, сдавливающего горло, — вызвало приступ паники. Её мозг, привыкший анализировать риски и требовать объяснений, забил тревогу.

Это зашло слишком далеко. Одно дело — фантазии о подчинении, другое — стоять голой в бетонном подвале с куском дубленой кожи на шее, который мешает дышать.

Она подняла руку, просовывая пальцы под ошейник, пытаясь оттянуть его.

— Послушайте, — её голос прозвучал хрипло, но требовательно. В нём прорезались нотки HR-директора, отчитывающего нерадивого подрядчика. — Это слишком туго. Я не могу так дышать. Мне нужно...

Договорить она не успела.

Хозяин двинулся быстрее, чем она ожидала. В одно мгновение он сократил дистанцию. Его рука метнулась к её лицу, но не для удара.

Его пальцы — жесткие, сильные, как стальные тиски, — обхватили её нижнюю челюсть. Большой палец вдавился в щеку с одной стороны, остальные впились в другую, заставляя её рот приоткрыться и превратиться в беспомощную букву «О».

Алиса попыталась дернуться, но хватка была железной. Он зафиксировал её голову, чуть запрокинув её назад. Ошейник врезался в затылок.

— Тш-ш-ш, — произнес он. Этот звук был не успокаивающим шипением матери, укладывающей ребенка. Это был звук стравливаемого пара. Звук опасности.

Он приблизил своё лицо к её лицу. Алиса видела только его серые глаза, в которых не было ни гнева, ни жалости. Только холодный контроль.

— Ты не поняла, — сказал он тихо, глядя прямо в её расширенные зрачки. — Твой рот больше не для этого.

Он сжал пальцы сильнее. Алиса замычала от боли, чувствуя, как зубы врезаются в слизистую щек.

— Слова — это мусор, Алиса. Ты всю жизнь использовала слова, чтобы лгать. «Мы вам перезвоним», «Ваш звонок очень важен для нас», «Я тебя люблю», «У меня всё хорошо». Ложь. Ложь. Ложь. Словами ты строила стены. Словами ты убивала людей в своих таблицах. Словами ты оправдывала свою трусость.

Он говорил спокойно, но каждое слово падало, как камень.

— Здесь лжи нет. Поэтому слова здесь запрещены.

Он отпустил её челюсть, но тут же накрыл её рот ладонью, запечатывая его.

— С этой секунды человеческая речь для тебя недоступна. Ты лишаешься права голоса. Ты лишаешься права на вопросы. Ты лишаешься права на «нет», на «почему» и на «когда».

Алиса почувствовала, как под его ладонью её губы дрожат. Паника накрыла её с головой. Речь была её главным инструментом. Её оружием. Её щитом. Как она будет защищаться? Как она будет договариваться?

— Твой рот теперь — функциональное отверстие, — продолжал Хозяин, и от этой формулировки у Алисы подкосились ноги. — Ты можешь использовать его, чтобы есть. Чтобы пить. Чтобы дышать, когда бежишь. Чтобы скулить, если тебе больно. Чтобы рычать, если ты злая. Чтобы выть на луну. Но ни одного членораздельного звука.

Он убрал ладонь.

— Поняла?

Алиса инстинктивно открыла рот, чтобы сказать «Да». Это был рефлекс, вбитый годами: вопрос — ответ.

— Д-да... — начал было формироваться звук в гортани.

Удар был коротким и резким. Хозяин не ударил её по лицу. Он щелкнул её пальцами по носу. Больно, унижительно, как нашкодившего щенка.

Алиса вскрикнула и отшатнулась, прижав ладони к лицу. Из глаз брызнули слезы.

— Ошибка, — констатировал Хозяин. — Ты попыталась использовать слово. Животные не говорят «да». Животные показывают покорность телом.

Он смотрел на неё, ожидая правильной реакции.

Алиса стояла, глотая соленые слезы. Нос горел. Горло саднило от ошейника. Но в голове, сквозь боль и обиду, начало пробиваться понимание.

Он забрал у неё не просто слова. Он забрал у неё ответственность за смысл. Ей больше не нужно было формулировать мысли. Не нужно было подбирать интонации. Не нужно было бояться сказать глупость.

Тишина, которой она так боялась, вдруг показалась спасением. В тишине нельзя соврать.

Она медленно опустила руки. Посмотрела на Хозяина. Она хотела спросить: «Что мне делать?». Но вспомнила щелчок по носу.

Вместо слов она сделала то, что подсказало тело. Она медленно, глядя ему в глаза, опустила голову, подставляя шею. И тихо, едва слышно, выдохнула воздух сквозь сжатые зубы.

Это был не вздох. Это был скулеж.

Хозяин едва заметно кивнул.

— Хорошая девочка, — сказал он. — Видишь? Язык тела честнее. Ты учишься.

Хозяин взял её за плечо. Жест был властным, направляющим, но без лишней агрессии — так берут за холку, чтобы развернуть животное в нужную сторону. Алиса подчинилась мгновенно. Её тело, лишенное одежды и права голоса, теперь реагировало на прикосновения острее, чем на слова.

Он подвел её к стене, где за сдвижной панелью скрывалась душевая зона. Там, в нише, было вмонтировано огромное, от пола до потолка, зеркало. Без рамы. Просто кусок идеальной амальгамы, отражающий правду.

— Смотри, — приказал он.

Алиса подняла глаза.

Первое, что она увидела, была бледная, испуганная женщина с красными пятнами на шее и груди. Её волосы растрепались, макияж — остатки утренней роскоши — казался грязными разводами на лице. Она выглядела жалкой. Раздетой. Униженной.

Но потом её взгляд скользнул ниже подбородка.

Там, где раньше была нежная, беззащитная шея, теперь чернела широкая полоса кожи.

Ошейник.

Он сидел плотно, врезаясь в мягкие ткани. Массивная стальная пряжка блестела в холодном свете лампы. Тяжелое D-образное кольцо оттягивало голову вниз, заставляя держать подбородок чуть вздернутым, в вечном ожидании рывка поводка.

И вдруг картинка щелкнула. словно объектив камеры поймал фокус.

Алиса ожидала увидеть уродство. Ожидала увидеть жертву насилия. Но то, что отражалось в зеркале, обладало пугающей, гипнотической эстетикой.

Черная кожа на бледной, почти прозрачной коже смотрелась графично. Жестко. Красиво.

Ошейник отрезал её голову — ту часть, где жили мысли, страхи, дедлайны и ипотеки, — от тела. Он проводил жирную черту. Всё, что выше — это прошлое. Всё, что ниже — это настоящее.

Тело, которое она привыкла прятать в футляры костюмов, вдруг обрело смысл. Оно больше не было «инструментом для ношения головы». Оно стало самоценным. Грудь, живот, бедра, пальцы, сжатые в кулаки, — всё это теперь принадлежало не ей. Это принадлежало Ошейнику.

Хозяин встал у неё за спиной.

В зеркале возник контраст, от которого у Алисы перехватило дыхание. Он — высокий, одетый в мягкий, дорогой кашемир, спокойный, воплощение контроля и власти. Она — голая, уязвимая, окольцованная, воплощение хаоса и подчинения.

Он не стал её трогать. Он просто стоял сзади, как скульптор, любующийся законченной работой. Его взгляд в зеркале встретился с её взглядом.

— Видишь? — спросил он тихо, и его голос, отраженный от стекла, прозвучал прямо у неё в голове. — Ты больше не разваливаешься на части. Ошейник держит тебя. Он собирает тебя в единое целое.

Алиса смотрела на своё отражение, и ей казалось, что она видит незнакомку. Эта новая женщина в зеркале не боялась увольнения. Ей не нужны были антидепрессанты. Ей не нужно было притворяться сильной. У неё была одна простая, понятная функция: быть Этим.

Быть собственностью.

Тяжесть на шее перестала быть бременем. Она стала якорем. Алиса почувствовала, как многолетнее напряжение в плечах, которое не могли размять массажисты за сотни евро, начинает отступать. Ей не нужно держать осанку ради статуса. Ошейник держит её сам.

— Тебе не нужно думать, что надеть завтра, — продолжал Хозяин, читая её мысли. — Твой гардероб укомплектован. Тебе не нужно думать, кто ты. Ты видишь ответ в зеркале.

Он положил руки ей на плечи. Тепло его ладоней прожгло кожу. В этом жесте было присвоение. Он накрыл её своей тенью, своим запахом, своей волей.

— Нравится? — спросил он.

Алиса открыла рот, чтобы ответить. Привычка была сильна. Но тут же вспомнила щелчок по носу. Вспомнила вкус собственной крови на губах. Вспомнила Тишину.

Она сжала зубы.

Взгляд её отражения стал темным, глубоким. Зрачки расширились, почти затопив радужку.

Она смотрела на себя — голую, в ошейнике, с красными следами от его пальцев на бедрах. И чувствовала не стыд, а странную, горячую гордость. Она больше не была офисной крысой. Она была дорогим, элитным зверем.

Алиса медленно, глядя ему в глаза через зеркало, кивнула. Один раз. Четко.

Это было согласие. Это было принятие.

Хозяин чуть заметно улыбнулся — одними уголками глаз.

— Отлично, — сказал он. — А теперь учись ходить заново.

Глава 4. Горизонт

Зеркальное отражение всё ещё держало Алису в гипнотическом плену. Женщина в амальгаме — с черной полосой кожи на шее, с горящими щеками и диким, расширенным взглядом — казалась ей более реальной, чем та, что осталась в офисе Москва-Сити. Та, офисная, была конструктором из брендов и амбиций. Эта, зеркальная, была цельной.

Хозяин нарушил тишину первым.

Он сделал шаг назад, разрывая их визуальный контакт в зеркале. Его отражение отступило в тень, но физическое присутствие за спиной стало давить еще сильнее.

— Ты приняла форму, — произнес он, и его голос отразился от бетонных стен, звуча как приговор. — Но ты всё ещё стоишь.

Алиса моргнула, возвращаясь в реальность.

— Прямохождение — это ошибка эволюции для таких, как ты, — продолжил он. — Вертикаль создает иллюзию равенства. Ты смотришь мне в глаза, и твой мозг по инерции считает, что ты имеешь право на диалог. Но диалог окончен.

Он поднял руку и медленно, властно указал указательным пальцем в пол. Жест был коротким, рубящим. Без вариантов.

— На колени.

Команда ударила Алису под дых.

Это был последний рубеж. Одно дело — стоять голой, позволяя себя рассматривать. В этом еще оставалась какая-то извращенная гордость, вызов модели на подиуме. Но встать на колени — это физическое признание поражения. Это поза молящегося. Поза пленного перед казнью. Поза раба.

В ней в последний раз дернулась гордость HR-директора, привыкшего смотреть на людей сверху вниз, сидя в кресле за полмиллиона.

«Я не буду ползать», — мелькнула паническая мысль.

Она замерла, не двигаясь. Её колени словно окаменели, отказываясь сгибаться.

Хозяин не стал повторять. Он не повысил голос. Он просто смотрел на неё сверху вниз с тем же скучающим, клиническим интересом, с каким смотрел на её зубы. Он ждал. Он знал, что гравитация на его стороне.

Тишина стала звенящей. Алиса чувствовала вес ошейника. Он тянул голову к земле. Её тело, измученное годами стресса, вдруг предательски зануло, умоляя подчиниться. Умоляя упасть.

«Внизу нет ответственности», — прошептал внутренний голос. — «Внизу безопасно».

Алиса медленно выдохнула.

Она отвела одну ногу назад. Движение вышло неловким, ломаным. Грация, которой она так гордилась на корпоративах, испарилась. Голая женщина, опускающаяся на бетонный пол, выглядела не сексуально, а беззащитно и жалко.

Левое колено коснулось пола.

Холод бетона прошил ногу, как электрический ток. Твердая поверхность больно врезалась в коленную чашечку, не защищенную ни тканью, ни привычкой.

Алиса поморщилась, но продолжила движение.

Правое колено опустилось следом.

Она оказалась внизу. Мир вокруг неё мгновенно, головокружительно изменился.

Только что она смотрела Хозяину в лицо. Теперь перед её глазами была пряжка его ремня. Чтобы увидеть его глаза, ей пришлось запрокинуть голову назад. Это движение натянуло кожу на горле, и ошейник тут же напомнил о себе, врезавшись в кадык.

Хозяин теперь казался великаном. Огромной, нависающей скалой, вершина которой уходила в недостижимую высь.

Алиса почувствовала себя маленькой. Крошечной. Размером с ребенка. Размером с собаку.

И в этом унижительном падении с высоты своих шпилек на грязный пол она вдруг ощутила странное, горячее облегчение. Ей больше не нужно было держать спину. Ей не нужно было соответствовать. Она была там, где ей и место.

У ног Хозяина.

Он посмотрел на неё сверху вниз, и тень его фигуры накрыла её полностью.

— Вот так, — сказал он. — Теперь иерархия восстановлена. Запомни этот ракурс, Алиса. С сегодняшнего дня это твой единственный вид на мир. Снизу вверх.

Алиса стояла на коленях, глядя на пряжку ремня Хозяина. Это была поза молящегося или приговоренного, но всё ещё человеческая поза. Её позвоночник оставался вертикальной осью, соединяющей небо и землю.

Хозяин обошел её, рассматривая профиль. Его шаги звучали гулко.

— Недостаточно, — бросил он, остановившись сбоку. — Ты всё ещё пытаешься сохранить вертикаль. Ты цепляешься за человеческую гордость, Алиса. Но у животных гордости нет. У них есть гравитация.

Он слегка коснулся носком ботинка её бедра.

— Руки на пол.

Алиса вздрогнула. Встать на колени было унижением, но опуститься на четвереньки казалось полным крахом. Это была поза для мытья полов или поиска закатившейся под диван сережки. Поза слуги.

Она помедлила секунду, глядя на серый полированный бетон. Он выглядел ледяным и твердым. Её руки — с безупречным маникюром, привыкшие держать бокал с шампанским или руль «Ауди», — не были созданы для этого.

— Вниз, — голос Хозяина хлестнул, как кнут.

Алиса согнулась в пояснице. Её ладони коснулись пола.

Холод пронзил кожу мгновенно, добравшись до костей. Бетон был безжалостным. Он не пружинил, как ковролин в офисе. Он встретил её жесткостью могильной плиты.

Она перенесла вес тела вперед. Центр тяжести сместился. Теперь она опиралась на четыре точки. Её грудь, тяжелая и незащищенная, качнулась вниз, повиснув под силой тяжести. Это было непривычно и дискомфортно.

Алиса инстинктивно сгорбилась. Она вжала голову в плечи, пытаясь спрятаться, округлила спину, поджала таз, словно закрывая собой уязвимый живот. Она превратилась в испуганный комок.

— Плохо, — констатировал Хозяин. — Ты стоишь как сутулая секретарша, которая ищет контактную линзу.

Он шагнул к ней. Его ладонь, тяжелая и жесткая, с размаху опустилась на её поясницу. ШЛЕП.

Звук был звонким, сухим. Кожа вспыхнула. Алиса охнула, дернувшись вперед, но устояла.

— Прогнись! — скомандовал он, надавливая рукой на крестец, вдавливая её позвоночник вниз. — Живот расслабить. Таз вверх. Ты не черепаха, Алиса. Ты сука. Покажи мне статью.

Алиса подчинилась давлению. Она прогнула спину, расслабляя мышцы живота. Её ягодицы невольно поднялись вверх, отключиваясь назад.

Это была самая уязвимая, самая унижительная поза, какую только можно представить. Она выставила напоказ свой зад, свои гениталии, свою беспомощность. Она чувствовала, как холодный воздух гуляет по её коже там, где раньше были брюки.

— Голову выше, — Хозяин перехватил её за ошейник и потянул вверх, заставляя выгнуть шею. — Смотри вперед, а не в пол. Гордись своей формой.

Ошейник врезался в затылок. Алиса подняла лицо. Теперь её линия взгляда была параллельна полу, на высоте полуметра.

— Локти мягче, — он постучал пальцем по её напряженным рукам. — Не замыкай суставы. Ты должна быть готова к движению, а не стоять как табуретка.

Алиса чуть согнула руки в локтях. Мышцы трицепсов, не привыкшие к статической нагрузке, тут же отозвались дрожью.

— Вот так, — сказал Хозяин, убирая руки.

Он отошел на шаг, оценивая результат.

Алиса стояла на четырех костях. Её спина образовала красивую, плавную дугу. Её грудь слегка касалась предплечий при глубоком вдохе.

Странно, но, приняв эту навязанную позу, она вдруг почувствовала устойчивость. На двух ногах её шатало от усталости и нервов. На четырех точках опоры упасть было невозможно. Земля была близко. Она держала её.

Она превратилась в биологическую машину. В устойчивую конструкцию из костей и мышц.

— Четыре точки опоры надежнее двух, — произнес Хозяин, словно прочитав её мысли. — Люди падают, потому что слишком высоко задирают нос. Звери стоят твердо. Запомни это ощущение. Ты заземлилась.

Алиса смотрела перед собой. Перед её глазами были носки его дорогих замшевых лоферов Loro Piana. Она видела каждую ворсинку замши, каждую пылинку на ранте подошвы. Это был её новый горизонт.

И этот горизонт был пугающе, восхитительно простым.

Алиса стояла на четвереньках, тяжело дыша. Холод пола проникал сквозь ладони, поднимаясь к локтям, но этот дискомфорт был ничто по сравнению с напряжением ожидания. Она видела только ноги Хозяина — безупречные брюки из тонкой шерсти, мягко лежащие на дорожную обувь.

Его рука опустилась в поле её зрения.

Алиса проследила взглядом за движением. Он достал из кармана не ключ, не телефон, а свернутый в тугую бухту предмет.

Поводок.

Это был не дешевый нейлоновый шнур для выгула болонки. Это был серьезный инструмент контроля. Толстая, прошитая в три ряда кожа цвета горького шоколада, пахнущая так же резко и дорого, как и ошейник. На конце болтался тяжелый, массивный карабин из матовой стали — «клевня краба», способная выдержать рывок бойцовой собаки.

Хозяин размотал его. Кожаная лента, освободившись, хлестнула воздух с тихим свистом и упала на бетон рядом с рукой Алисы.

Она вздрогнула. Длина поводка была метра полтора, не больше. Это был радиус её новой свободы.

Хозяин наступил на конец поводка ботинком, словно проверяя реакцию, затем наклонился.

— Не дергайся, — предупредил он.

Его пальцы, жесткие и уверенные, перехватили D-образное кольцо на её ошейнике. Алиса почувствовала, как металл холодит кожу под челюстью. Она замерла, боясь вдохнуть.

Он поднес карабин к кольцу.

КЛАЦ.

Звук защелкивающегося механизма прозвучал в пустом помещении как выстрел затвора винтовки. Громко. Окончательно.

Алиса почувствовала рывок.

Карабин был тяжелым. Вместе с весом самой кожи он мгновенно оттянул её голову вниз, к полу. Центр тяжести ошейника сместился вперед. Теперь ей приходилось напрягать мышцы шеи, чтобы держать голову прямо.

Но дело было не в весе. Дело было в связи.

В ту секунду, когда металл сомкнулся с металлом, Алиса почувствовала, как невидимый ток прошел по её позвоночнику. Она перестала быть автономной единицей.

Хозяин выпрямился, наматывая петлю поводка на ладонь. Кожа натянулась.

Алиса почувствовала это натяжение физически — ошейник врезался в горло, заставляя её чуть податься вперед.

— Чувствуешь? — спросил он тихо.

Он слегка дернул рукой. Едва заметное движение кисти, которое для человека, стоящего на ногах, ничего бы не значило. Но для Алисы, чья шея была закована в кожу, это движение отозвалось мгновенным сигналом. Её голова дернулась вслед за его рукой.

— Теперь это твой нерв, — сказал Хозяин. — Прямая линия связи с моим мозгом. Я думаю — ты делаешь. Я тяну — ты идешь.

Он натянул поводок сильнее, заставляя её поднять подбородок выше, до предела. Алиса захрипела, глядя ему в глаза снизу вверх. Теперь она не могла отвести взгляд, даже если бы захотела.

— Ты больше не гуляешь сама по себе, Алиса. Ты на привязи. Ты — продолжение моей руки.

Он ослабил натяжение. Ошейник сполз вниз, но ощущение фантомного давления осталось. Алиса поняла, что теперь каждое её движение, каждый поворот головы будет передаваться ему через эту кожаную ленту. Она была подключена к нему. Как периферийное устройство к серверу.

— И запомни, — добавил он, проверяя карабин на прочность еще одним резким рывком, от которого Алиса едва не клюнула носом в пол. — Поводок — это не только контроль. Это безопасность. Пока я держу его, ты не упадешь. Ты не потеряешься. Ты принадлежишь мне.

Алиса посмотрела на натянутую струну кожи, уходящую от её шеи к его кулаку. Эта линия была пугающей. Но в то же время она была единственной твердой вещью в её рассыпавшемся мире.

Она была привязана. Значит, она была нужна.

Поводок натянулся. Это был не рывок, а мягкое, но настойчивое давление — сигнал к началу движения.

— Вперед, — скомандовал Хозяин.

Он сделал первый шаг. Его нога в мягком замшевом лоффере оторвалась от пола и опустилась на полметра дальше.

Алиса замешкалась. Её мозг, привыкший к вертикальной координации, на долю секунды завис. Какую руку переставлять первой? Правую? Левую? Как синхронизировать колени?

Ошейник врезался в горло, напоминая, что время на раздумья истекло. Она поспешно, неуклюже переставила правую руку, затем левое колено.

Первые метры дались ей тяжело.

Бетонный пол, казавшийся идеально гладким, на деле оказался абразивным. Кожа на коленях, нежная, привыкшая к шелку чулок, мгновенно запротестовала. Каждое прикосновение к твердой поверхности отдавалось тупой болью в чашечках. Ладони начали мерзнуть.

Но самым странным была не боль. Самым странным была оптика.

Алиса ползла, стараясь не отставать от размеренного шага Хозяина. Её взгляд был прикован к единственному ориентиру в этом огромном, пустом пространстве — к его обуви.

Раньше она смотрела людям в глаза. Она оценивала их мимику, их ложь, их страх. Она смотрела поверх голов, планируя стратегии на квартал вперед. Её горизонт был широким, далёким и тревожным.

Теперь её мир сузился до двух замшевых пяток цвета «мокко».

Она видела, как мягко сгибается подошва дорогих Loro Piana при каждом шаге. Видела идеальную строчку на заднике. Видела легкую потертость на левом каблуке — след от педали газа в его машине. Видела ворсинки замши, дрожащие при ходьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.